

Н.Н. ЦВЕТАЕВА

БИОГРАФИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ: РЕЗИСТЕНТНОСТЬ К ИДЕОЛОГИЧЕСКИМ НОРМАМ СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ

Аннотация. В статье представлены некоторые результаты качественного исследования материалов Биографического фонда СИ РАН. Анализируется, как в биографических нарративах людей, большая часть жизни которых прошла в советском обществе, описывается резистентность к идеологическим нормам советского времени.

Ключевые слова: биографические нарративы, социально-культурные изменения, советская идеология.

Для современной социологии биографические нарративы, результаты качественного исследования которых здесь представлены, являются признанным источником социального знания. В отличие от привычных социологических опросов, задающих матрицу ответов населения на сформулированные исследователями вопросы, автобиографические нарративы предоставляют возможность посмотреть на оценки и суждения людей «изнутри», в контексте реалий их собственной жизни, и увидеть структуру осознаваемого человеком жизненного опыта и тех социальных представлений и ценностных ориентиров, в которых этот опыт осмысливается. Тем самым нарративы дают возможность следить за динамикой и особенностями происходящих в обществе социально-культурных изменений, которые, как известно, не происходят моментально, а накапливаются в результате множества невидимых микроисторий в повседневной жизни людей, и только спустя какое-то время (казалось бы, вдруг) проявляются как статистический факт (как привычное для социологии статистическое обобщение).

Как свидетельствуют материалы Биографического фонда института¹, люди, принадлежащие к старшим поколениям советского общества, описывая в нарративах историю своей жизни, демонстрируют сильную зависимость мировосприятия от нормативных формул советской идеологии. Причем эта зависимость оказывается столь силь-

¹ Биографический фонд был создан в институте в 1989 г. В число материалов Фонда входят автобиографии, биографические интервью, генеalogии, дневники, семейные хроники, а также материалы нескольких тематических биографических конкурсов. Сегодня Фонд насчитывает более 700 единиц хранения; собрание Фонда постоянно пополняется.

ной, что в ряде случаев образует своего рода смысловые противоречия, противоречия между описываемыми в нарративе реалиями жизни человека и его оценкой этих реалий. Особенно ярко такие противоречия выглядят в нарративах людей, которые в той или иной степени оказались жертвами советской власти и лично пострадали от реализации ее идеологических установок. Так, например, человек, рассказывающий о жестокости разорения в процессе коллективизации крестьянского хозяйства своей семьи, не только не обвиняет эти действия советской власти, а, напротив, в каком-то смысле их оправдывает, используя для оправдания оценочную риторику советской идеологии².

Разумеется, сама по себе зависимость людей старших поколений советского общества от риторического языка, который господствовал в обществе на протяжении многих десятилетий и понимался «всеми», представляется вполне объяснимым явлением. Этот язык не мог быстро измениться, несмотря даже на то, что нарративы, о которых идет речь, были созданы в годы перестройки и присланы в Фонд в начале 1990-х гг., когда в общественном дискурсе присутствовала острая критика советской идеологии и общество освобождалось от установок и страхов прошлого. Заметим также, что эти противоречия нельзя было объяснить инфантильностью оценочного сознания, которая свойственна малообразованным людям, так как они читались и в нарративах людей с высшим образованием, которые в силу этого обязаны додумывать и обосновывать свои оценки (тем более, когда они размышляют о собственной жизни). Отметим и то, что речь шла не об убеждениях человека, который вполне мог оказаться приверженцем советской идеологии и отстаивать свои убеждения даже вопреки собственному опыту жизни. Но никакой рациональной логики в объяснении этих противоречий авторы нарративов не обнаруживали, что позволяло говорить о произведенных советской идеологией деформациях в мировосприятии человека, его незащитности перед властью ее формул³.

² Эти противоречия в логике в изложении биографических нарративов до некоторой степени определили методику исследования. Первым ее шагом был анализ смысловых структур, «фигур логики», которые образуются между описываемыми в рассказе событиями и используемым его автором оценочным дискурсом. Следующим шагом — анализ и упорядочение диапазона и вариативности этих смысловых структур, следов оценивающих и классифицирующих дискурсов, наличествующих в обществе.

³ Подробнее об интерпретации этих противоречий см.: *Цветева Н.Н.* Логика жизни и логика идеологии через призму советской эпохи // Петербургская социология

Однако зависимость мировосприятия человека от формул советской идеологии не могла быть тотальной, о чем свидетельствовали и перемены, начатые перестройкой. И целью представленного в этой статье исследования были поиски ответа на вопрос, как в биографических нарративах людей, большая часть жизни которых прошла в советском обществе, описываются возможности освобождения от этой зависимости и дистанцирования от давления нормативных формул советской идеологии.

Основным материалом этого исследования стали нарративы участников биографического конкурса «Гляжу в себя как в зеркало эпохи», который был проведен Фондом осенью 1994 г. Темой этого конкурса были воспоминания о 1960-х гг., о времени, которое вошло в историографию советского общества как «оттепель», как эпоха некоторой либерализации жизни страны после смерти Сталина. Принято считать, что это время позволило человеку критично взглянуть на советскую идеологию и освободиться от некоторых ее мифов и идеологем. И свидетельств такого освобождения можно было ожидать от участников конкурса, которые своим участием в конкурсе признавали влияние этой эпохи на свою жизнь⁴.

Структуру исследования нарративов участников этого конкурса определили некоторые положения известной работы Питера Бергера «Приглашение в социологию», в которой он анализирует границы свободы человека, его возможности сопротивляться господствующему в обществе порядку и влиять на происходящие в нем изменения⁵. Как пишет Бергер, процесс социальных изменений начинается с формирования новых представлений о социальной реальности, новых ее определений, а непосредственным действиям против старого порядка непременно предшествует внутренний распад идеологии, которая поддерживает этот порядок. В этой связи он рассматривает три способа, которые, по его мнению, способствуют внутреннему распаду го-

сегодня. Сборник научных трудов Социологического института РАН. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 131–142.

⁴ Участниками конкурса оказались 93 человека, 44 женщины и 49 мужчин, чаще всего 1930-х гг. рождения, т. е. те, кто встретил свое взросление в 50-х — начале 60-х, и для кого время «оттепели» было временем их активного становления. В конкурсе приняли участие люди самых разных профессий и разного уровня образования — от медсестры и шофера до инженера, врача и начальника стройки, что давало возможность увидеть широкий диапазон памяти об этом времени.

⁵ Бергер П.Л. Приглашение в социологию: гуманистическая перспектива. М., Аспект Пресс, 1996.

сподствующей идеологии, и с помощью которых человек может, как он образно говорит, «избежать тирании общества», тирании господствующих в нем норм, стереотипов и ценностных установок. Первый способ — мысленное отстранение от общества. Второй — участие в антиобществах, основанных на «отстраненных дефинициях». И третий — манипулирование — умение человека «прорубать тропинки сквозь социальные джунгли, исходя из своих личных целей»⁶. Вот эти три способа «избежать тирании общества», которые могли способствовать внутреннему распаду советской идеологии и определить последующие социально-культурные изменения в советском обществе, анализировались на материале биографических нарративов участников конкурса, посвященного воспоминаниям о времени «оттепели».

Первый способ — мысленное отстранение

Кажется очевидным, что самым распространенным способом «избежать тирании общества», тирании господствующих идеологических норм, должно быть мысленное отстранение. И кажется очевидным также, что этот способ дистанцирования должен быть свойственен прежде всего людям образованным, которые по определению способны если не к критике, то, по крайней мере, к какой-то рефлексии по поводу происходящих в обществе изменений.

Однако воспоминания участников конкурса об «оттепели» образуют два совершенно разных символических пространства, два разных дискурса, в каждом из которых свои описания этого времени. Один дискурс — литературный язык образованных людей (так названы участники конкурса с высшим образованием). В своих нарративах они пишут об «оттепели», используя многие известные по публицистике метафоры и характеристики этого времени, и определяют это время как эпоху надежд на освобождение страны и личности, когда *«все вздохнули свободно»* и *«кожей чувствовали духовный рост общества»*. Другой дискурс — язык малообразованных людей (так условно названы участники конкурса без высшего образования). Эти участники конкурса фактически не выделяют «оттепель» как особую эпоху и не объясняют с этой точки зрения свое участие в конкурсе. И неудивительно, что рассматриваемый здесь способ «избежать тирании обще-

⁶ Там же. С.120–125.

ства» — мысленное отстранение — выглядит в биографических нарративах участников конкурса по-разному.

Вот, например, как выглядит этот способ избежать тирании общества в биографическом нарративе полковника в отставке, кандидата технических наук. Этот человек, проживший вполне благополучную по советским меркам жизнь, так говорит о своем отстранении от пропагандистских формул советской идеологии (подчеркивая, что его отстранение началось еще в старших классах школы):

«Я уже тогда не верил нашей пропаганде, не верил ни в братство, ни в равенство, ни в свободу, что мне преподносили на блюдечке. Понятие порядочности и совести у меня были свои и они остались у меня до сих пор».

Тем не менее, в целом биографические нарративы образованных участников конкурса свидетельствуют, что этот вполне доступный способ дистанцирования от советских идеологических норм был свойственен очень немногим. Несмотря на то, что в своих нарративах они используют известные публицистические метафоры по поводу «оттепели», за этими метафорами не следуют серьезные размышления об этом времени, и их рефлексия, в том числе направленная на критику сталинского режима, выглядит весьма поверхностной. Почти никто из них не говорит о таком важном политическом событии начала «оттепели», как разоблачение культа личности в докладе Хрущева. Почти не упоминаются и значительные политические события постсталинского периода (такие, как Венгрия 1956 г., Чехословакия 1968 г. и т. п.). Репрессии и жестокость сталинского режима также почти не упоминаются, а если и упоминаются, то, как правило, осторожными фразами. Например: *«среди окружающих никто не пострадал при Сталине», «ужасный 1937 год не коснулся нашего семейства».* Интересно, однако, оценить эту риторику на фоне социологических данных о том, что почти треть семей была впрямую затронута сталинскими репрессиями⁷.

Конечно, в советском обществе в условиях тотального государственного контроля над информацией о многих значимых событиях времени люди узнавали в основном только из официальных источников. И биографические нарративы участников конкурса подтверждают, что узнавал человек об этих событиях, как правило, на партийных производственных собраниях и митингах и вместе со всеми принимал те оценки, которые предлагала официальная идеология. Сожаление

⁷ Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х. М.: Мировой океан, 1993. С. 258.

же о своей наивности («Я стоял как болван среди всех и верил, верил, верил...») или какую-то критику своей слепоты в отношении этой идеологии образованные участники конкурса высказывают тоже довольно редко. Надо отметить также, что своеобразным рефреном в их нарративах оказывается фраза: «мы работали честно». Этот фразой человек как бы снимает с себя ответственность за все прегрешения советской эпохи и освобождает себя от анализа каких-либо сложных общественных проблем того времени.

Одним из объяснений такого уклонения образованных людей от серьезного анализа советской эпохи принято считать изначальную ангажированность советской интеллигенции в идеологию, ее близость к власти⁸. Как известно, получение диплома о высшем образовании открывало дорогу к привилегированному положению в советском обществе и обретению этой близости. Тем более, когда это подкреплялось успешной служебной карьерой и сопутствующим ей вступлением в партию (другой вопрос, что поступление в вузы тоже было идеологически «квотировано»). В биографических нарративах участников конкурса эта ангажированность образованных людей хорошо видна, когда человек, даже критикуя советское прошлое, сохраняет «принципиальную верность идее» или считает, что «гнусности зависели не от системы, а от негодяев, действовавших от ее имени» или что «война оправдывает все негативное, что было сделано до 1953 года». Из нарративов образованных участников конкурса выясняются и другие характеристики этой ангажированности. Например, в некоторых семьях «все знали об ужасах сталинизма еще до XX съезда» и это не мешало относиться к Сталину как «к вождю, без которого страна может пропасть». А общим пафосом лояльности к советской системе в целом оказываются суждения такого типа: «жизнь прожита не напрасно», «нужно взять из разрушенного мировоззрения лучшее», «исправить недостатки социализма».

В свою очередь малообразованные респонденты (напомню, так условно названы участники конкурса без высшего образования) в своих нарративах в принципе, как уже говорилось, не используют каких-либо известных по публицистике метафор и описаний «оттепели». И это несмотря на то, что они участвуют в биографическом конкурсе,

⁸ Левада Ю.А. Проблема интеллигенции в современной России // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития (Международный симпозиум 17–19 декабря 1993 г.). М.: Интерпракс, 1994. С. 211.

посвященном воспоминаниям об этом времени. В тех же случаях, когда в их нарративах все же появляются какие-то характеристики этого периода времени, то такие характеристики конкретны и материальны, а время «оттепели» предстает как цепь коллизий повседневной жизни, обусловленных реформами Н.С. Хрущева. Так, например, они вспоминают о «*перебоях с хлебом*», «*о посевах кукурузы*» и других реформах Хрущева, которые как-то сказались на их жизни. Но об «оттепели», о смягчении режима и возможностях некоторого освобождения страны и личности после смерти Сталина эта часть участников конкурса вообще не говорит.

Это нежелание или неумение малообразованных людей обсуждать идеологические проблемы жизни страны и их практическое отношение к реалиям собственной жизни принято интерпретировать как результат их низкого положения в обществе, в котором они вынуждены приспосабливаться к своим обстоятельствам, «выбирая необходимость», и считают себя исключенными из идеологической борьбы. В то же время оборотными сторонами их молчаливого приспособления к навязанным им обстоятельствам оказываются «скрытая ненависть и скрытое оскорбление хозяев»⁹. Эти оборотные стороны тоже читаются в биографических нарративах малообразованных участников конкурса. Это проявляется в презрительном (иногда даже циничном) отношении ко всему, что связано с идеологическими вопросами и, прежде всего, в презрительном отношении к власти. Например, к тому же Н.С. Хрущеву, которого эти люди часто называют уничижительно *Хрущем* и осуждают его действия: «*Хрущ что-то там опять натворил...*» Возможно, что такое презрительное отношение низших социальных слоев к власти тоже является способом мысленного отстранения, способом «избежать тирании общества».

Второй способ — антиобщества

Следующий способ «избежать тирании общества», который рассматривает Бергер, — это участие в антиобществах, основанных «на отстраненных дефинициях»¹⁰. Бергер причисляет к такого рода

⁹ Такого рода интерпретацию поведения низших слоев общества предлагает финский исследователь Пекка Руус. См. Руус П. От фермы к офису: уверенность в себе и новый средний класс // Вопросы социологии. М.: Socio-Logos, 1993. №1/2. С. 141.

¹⁰ Бергер П. Указ. соч. С. 122–123.

антиобществам различные секты, культы, «свой круг» и другие группы, которые люди создают, находя в них опору и некоторую автономию. При этом он добавляет, что такие формы объединения людей могут создаваться не только как оппозиция ко всему общественному укладу, но и как просто автономные интеллектуальные сообщества.

Вполне очевидно, что для советской эпохи, когда все формы поведения людей жестко контролировались, такие антиобщества — самый редкий способ «избежать тирании общества». В условиях жесткого контроля над поведением человека, существовавшего в советском обществе, появление любых форм объединения людей, которые возникали вне намерений самой власти, вызывало подозрения в нелояльности, даже если это были не оппозиционные, а чисто интеллектуальные сообщества.

Но, казалось бы, в биографических нарративах участников конкурса должны упоминаться хотя бы такие естественные субкультуры, как формы молодежного общения. Ведь молодежь, как известно, уже по своей природе стремится отгородиться от «взрослого» нормативного контроля. Однако упоминания о таких формах общения молодежи, которые можно было бы отнести к антиобществам, основанным «на отстраненных дефинициях», в нарративах участников этого конкурса не встречаются. Нет в нарративах и упоминания о друзьях или людях, оказавших на респондентов какое-то заметное влияние такого рода. В редких случаях можно встретить упоминания о *дружеской компании* с песнями «бардов» под гитару или о *литературных кружках*, которые респонденты посещали в молодости. Но чаще всего в нарративах встречаются упоминания о студенческих поездках с сокурсниками на летнюю практику, целину и (даже) на похороны Сталина, т. е. упоминания об официально признанных и пропагандируемых формах общения молодежи того времени.

Если же говорить о диссидентском движении и его разновидностях как субкультурах, то, как показало знаменитое исследование истории инакомыслия в СССР Людмилы Алексеевой¹¹, этот полюс оппозиционности к советской идеологии является настолько редким явлением, что его трудно использовать для характеристики даже образованной части советского общества. Во всяком случае, среди участников био-

¹¹ Алексеева Л. История инакомыслия в СССР. Новейший период. Весть. Вильнюс—Москва, 1992.

графического конкурса, посвященного «оттепели», не оказалось ни одного человека, участвовавшего в правозащитном движении или как-то активно обнаружившего свое инакомыслие.

Третий способ — манипулирование

И, наконец, о том, как в автобиографических нарративах участников конкурса выглядит третий способ «избежать тирании общества», который Бергер называет манипулированием. Манипулирование означает, что индивид не отстраняется от общества, а намеренно использует общественные структуры «неожиданным для блюстителей законности образом и прорубает тропинки сквозь социальные джунгли, исходя из своих личных целей»¹².

Используя язык современной социальной теории, манипулированием можно назвать практики повседневной жизни, которые позволяют человеку приспособливаться даже к очень жестким «правилам игры», которые установлены властью. Причем не только приспособливаться, но и в своем роде обходить, обманывать эти правила. Важно также, что в результате вырабатываемых в повседневной жизни тактик (по М. де Серто) или стратегий (по П. Бурдьё), даже те люди, которые находятся «внизу» социальной лестницы, не только влияют на результаты социального изменения, но, в конечном счете, участвуют в производстве социальной нормы¹³.

В советском обществе тактики и стратегии приспособления человека к официально провозглашаемым нормам были не только массовыми, но и виртуозными. Их использовали очень многие, пытаясь выжить в жестком идеологическом режиме. Об опыте такого рода тактик и стратегий говорили и размеры «неформальной» экономики, которые обнаружили после крушения советского общества. Так что можно сказать, что этот способ «избежать тирании общества» являлся не только основным, но и самым распространенным в советском обществе. В биографических нарративах участников конкурса этот способ описывается как умение использовать «лазейки», которые, так или иначе, обнаруживаются в любой (даже жестко организованной) обществен-

¹² Бергер П. Указ. соч. С. 124.

¹³ Это положение современной социальной теории в нашей литературе наиболее полно проанализировано в ряде работ Н.Н. Козловой См., например: Козлова Н.Н. Горизонты повседневности советской эпохи: голоса из хора. М.: ИФ РАН, 1996. С. 85–86.

ной системе. А проиллюстрировать это умение можно ироническими словами одного из участников конкурса:

«Народ давно привык к различным кампаниям и умел быстро и грамотно откликаться» или *«В игре с государством кое-какие очки я отыграл»*.

Еще один способ — выбор, риск, ответственность

Все рассмотренные способы избежать «тирании общества», которые расшатывают господствующие в обществе идеологические стандарты и основанную на них систему власти, имеют, как считает Бергер, и другую сторону. Своеобразная оппозиция между властью и людьми, которые используют эти способы, эти «лазейки» (причем, используют в массовом масштабе), в то же время укрепляет существующий порядок, скрывая истинные отношения в обществе. Таким образом, заключает Бергер, все эти способы оказываются способами «вписывания» в господствующий символический порядок и позволяют человеку «скрывать от себя свою собственную свободу». Но, как он добавляет, общество может как стать прибежищем от свободы, так и дать шанс для ее достижения. И люди обманывают себя, когда говорят, что у них нет выбора: у каждого человека есть выбор, «каждую социальную роль можно играть сознательно или слепо»¹⁴. Это рассуждение Бергера хорошо иллюстрируют и слова известного советского писателя Константина Симонова, анализировавшего свое отношение к Сталину: «Было и такое, о чем можно было и следовало думать до XX съезда, и оснований для этого было достаточно. Решимости не хватало куда больше, чем оснований»¹⁵.

Только несколько участников конкурса, как свидетельствовали их нарративы, практиковали такой способ «избежать тирании общества», как способность к выбору и решимость проявить на протяжении жизненного пути собственное (независимое от идеологических норм) понимание ценностей и смысла жизни. Все они — образованные и профессиональные люди: главный врач поликлиники, инженер-конструктор и изобретатель. Их способность к выбору и решимость проявились в таких поступках, как усыновление приемного ребенка вопреки обстоятельствам, осложнившим личную жизнь, как поиски

¹⁴ Бергер П. Указ. соч. С. 133.

¹⁵ Симонов К. Глазами человека моего поколения // Знамя. 1988. №3. С. 32.

творческой работы без боязни потерять хорошо оплачиваемое место, как ориентация на *«свободную жизнь странствующего ремесленника»*. Тем не менее, этих людей нельзя назвать оппозиционерами в отношении жизненных стандартов советского общества. И в целом их жизнь выглядит как вполне успешная с точки зрения этих стандартов. Говоря словами одного из них: *«Все пробежки и передышки соответствуют шагу и поворотам всей страны»*.

Среди участников конкурса их жизненный путь определяется еще и тем, что можно назвать культурной интенсивностью жизни (в отличие от известного в советской социологии термина «культурная активность», которая измерялась количеством прочитываемых книг, посещением театров, музеев и т. п.). Культурная интенсивность их жизни проявляется прежде всего в профессионализме. Как уже говорилось, это люди с высшим образованием, которые достигли определенных высот в той профессии, которой занимались на протяжении жизни. Причем их профессионализм характеризует не столько сама успешность карьеры, сколько неординарное и творческое отношение к своей профессии. И даже членство в партии, которое в советское время было почти необходимым условием успешной карьеры образованного человека, выглядит в их нарративах не как результат приспособления к стандартам советской системы, а как искренняя попытка использовать собственные возможности быть честным и как-то *«исправить»* эту систему. И эта позиция тоже характеризует культурную интенсивность их жизненного пути, тем более, если согласиться с точкой зрения, что в советском обществе чувство сопричастности государству, его делам и идеям, было почти единственным способом самоутверждения личности, обретения ею субъектности¹⁶.

Важно также подчеркнуть, что речь идет не об умении этих образованных людей придать литературную форму описанию своего жизненного пути, о талантливом мифотворчестве¹⁷, и не об умении достаточно аргументированно мотивировать свои поступки, которое тоже присуще образованному человеку. Речь идет о прочитываемой в их нарративах последовательной линии поведения, осуществляемой на протяжении всего жизненного пути, о том, что принято называть

¹⁶ Романов В.Н. Историческое развитие культуры. Проблемы типологии. М.: Наука, 1991. С. 171–177.

¹⁷ Термином «мифотворчество» в данном случае подчеркивается литературоцентризм русской культуры. См.: Вайль П., Генис А. Страна слов // Новый мир. 1991. №4. С. 250.

культурой личного достижения. При этом в их нарративах отчетливо прочитываются два фокуса достижений — общественный и личный, но общественный никогда не заменяет и не подавляет личный, между ними существует дистанция, которая представлена умением критиковать не только идеологические мифы прошлого, но и свое участие в поддержании этих мифов.

Если теперь вспомнить слова П. Бергера, можно заключить, что эти люди не прятались от свободы и играли свои роли в обществе сознательно, а не слепо. Но, к сожалению, этот способ «избежать тирании общества», основанный на ценностно-ориентированных действиях, свидетельствующих о самостоятельном выборе, индивидуальном риске и ответственности негарантированного повседневного существования¹⁸, оказался в биографических нарративах участников конкурса весьма редким.

¹⁸ О том, что «простому советскому человеку» несвойственны ценностно-ориентированные действия, свидетельствующие о самостоятельном выборе, индивидуальном риске и ответственности негарантированного повседневного существования, было сделано заключение и в фундаментальном исследовании ВЦИОМа. См.: Советский простой человек. Опыт социального портрета на рубеже 90-х. М.: Мировой океан, 1993. С. 241.